Текст · 24 февраля 2023, 13:18
Анна Павлова,

Год против войны. Как россияне пытаются протестовать — и как государство их преследует

С первого дня вторжения в Украину россияне пытались протестовать — сначала акции были массовыми (их жестоко разгоняли), потом на улицах остались одиночки (их постоянно задерживают), потом дошли до тех, кто не молчал в сети (их затыкали протоколами о «дискредитации» и уголовными делами о «фейках»). Многие решились на радикальные акции вроде поджогов — десятки россиян под следствием, им грозят огромные сроки за теракты и диверсии. «Медиазона» коротко напоминает, как весь год антивоенные активисты пытались сопротивляться, а государство усиливало репрессии.

Массовые протесты начались в первые дни вторжения — их жестоко разгоняли

Отдельные акции протеста начались еще в России начались еще до вторжения 24 февраля — несколько дней до него и накануне в центре Москвы задерживали пикетчиков.

24 февраля антивоенные демонстрации стали массовыми — их участников разгоняли и били силовики. Только в первый день войны в России задержали больше 1800 человек в десятках городов от Калининграда до Владивостока. Россияне выходили на улицы каждый день, многолюдные акции снова

прошли 6 марта — они снова окончились разгонами и задержаниями, в отделения полиции по всей стране в тот день доставили почти пять тысяч человек.

Участники несогласованной акции против войны в Калининграде, 24 февраля 2022 года. Фото: Виталий Невар / ТАСС

В ОВД «Братеево» в Москве задержанных на акции в тот день девушек избивали и угрожали изнасилованием. «Ударил хорошенько прям, потом спросил, буду ли я молчать дальше. Я сказала, что да, он ударил тогда коленом в живот, у меня помутнело в глазах. От вопроса до удара буквально секунда прошла, я даже если бы хотела ответить — не успела бы. Я расплакалась. Он меня как бы поставил в середине комнаты, схватив за кофту, стал говорить: че ты стоишь, че ты облокачиваешься. Там еще сидел мужчина другой, он говорил: сейчас вас всех будут девственности лишать», — вспоминала одна из пострадавших.

Всего за первый месяц месяц вторжения участников антивоенных акций задерживали больше 15 тысяч раз.

Власти сразу назвали митинги против войны незаконными. Пресс-секретарь президента Дмитрий Песков сказал, что у россиян нет права протестовать без «соответствующих процедур», а Следственный комитет пригрозил уголовными делами за массовые демонстрации, «обусловленные напряженной внешнеполитической обстановкой».

Помимо митингов и пикетов люди разных профессий писали открытые обращения с требованием прекратить войну. Такие письма подписывали врачи, преподаватели, студенты, архитекторы, комики и многие другие.

После первого месяца войны и разгонов уличные протесты в России пошли на спад, сменившись в основном пикетами одиночек. 9 мая многие воспользовались традиционными шествиями «Бессмертного полка», чтобы призвать к прекращению войны — люди приходили на эти акции с антивоенными лозунгами. Например, в Новосибирске нескольких человек задержали за плакаты «Не за такое будущее мой дед воевал», «Мне стыдно за вас, внуки. Мы воевали за мир, вы выбрали войну» и «Победили тот фашизм, победим и этот».

Новая волна уличных протестов ненадолго поднялась после 21 сентября, когда Путин объявил о начале «частичной мобилизации». Заметнее всего были демонстрации в Дагестане: в Махачкале, Хасавюрте и Бабаюрте люди перекрывали дороги и дрались с полицейскими. Пришедшие на акцию женщины скандировали антивоенные лозунги: «Мы не слепые», «Нет войне!» и «Наши дети — не удобрение!». Разгоняя протестующих, силовики применяли перцовый газ, дубинки и электрошокеры.

В первый день протестов против мобилизации по всей стране, по данным «ОВД-Инфо», задержали более 1300 человек. В некоторых городах участникам акций вручали повестки прямо в отделах полиции.

С тех пор массовых антивоенных акции больше не было, но в январе, после ракетного удара по жилому дому в Днепре, где погибли почти 50 человек, во многих городах россияне приходили к стихийным мемориалам в память о жертвах — и в Москве, например, полицейские задерживали людей, пришедших возложить цветы.

Россияне перешли на одиночные акции — пикеты, перформансы, уничтожение символов войны

Сразу после вторжения в Украину власти не только разгоняли демонстрации, но и приняли несколько законов, запрещающих[1] вообще критиковать войну

и рассказывать о российском вторжении — об убийствах мирных жителей, военных преступлениях российских солдат и обстрелах жилых домов.

И уже 5 марта — на следующий день после принятия поправок — стало известно о первом административном деле о «дискредитации» армии, на активистку из Кострому составили протокол из-за антивоенного плаката.

Разгоны митингов и репрессивные законы казались достаточно эффективны для того, чтобы россияне перестали выходить на массовые акции. Но одиночные выступления продолжаются, и до сих пор люди выходят на улицы с плакатами «Нет войне» или «За мир» — их задерживают и преследуют.

Пикеты не единственная форма протеста — в разных городах активисты, к примеру, вывешивали в окна

флаги Украины. В апреле, после освобождения Бучи-, весь мир увидел фотографии улиц с лежащими телами убитых жителей. В Москве активист устраивал перформанс в нескольких местах в центре города: он ложился на землю со связанными за спиной руками — в таких позах нашли в Буче некоторых из расстрелянных. Похожую акцию около баннера «#Z-арусский мир» провела жительница Краснодара.

В нескольких городах активисты меняли ценники в магазинах на наклейки с информацией о войне. Некоторых задержали по уголовным делам — к примеру, петербургской художнице Саше Скочиленко теперь грозит 10 лет по делу о «фейках» о российской армии.

Но, как правило, за антивоенные акции составляют протоколы о «дискредитации» армии. И поводом может послужить не только пикет или перформанс, но и, например, сине-желтая ленточка, антивоенная надпись на одежде или исполнение украинских песен.

В Красноярске активистку оштрафовали за лозунг «Нет войне» на снегу, а Тюмени местная жительница получила штраф за надпись «нет в***е»[2] мелками на асфальте, на активиста из Иванова протокол составили из-за пикета с плакатом «*** *****», а в Петербурге молодого человека задерживали и вовсе за пикет с пустым листом.

«Медиазона» подсчитала, что за 2022 год в российские суды поступили шесть тысяч административных дел по этой статье.

В условиях тотального запрета на антивоенные протесты и высказывания, некоторые россияне пытаются тайком бороться с символами войны — например, с буквам *Z* и *V*. Срывают плакаты с этими символами, повреждают инсталляции, составляют из них свастики, обливают красной краской или используют в антивоенных акциях, как, например, жительница Петербурга, написавшая на стене подъезда «*Z* — залупа». Но и за самые маленькие акции силовики стараются наказывать их авторов — вплоть до уголовных дел.

Тех, кто не молчит в сети — тоже преследуют

Если на улицах спустя год после вторжения протестуют отдельные смельчаки, то в интернете поддерживающих Украину больше. С теми же символами войны активисты из разных городов пытались бороться жалобами в надзорные органы. Так, активист из Липецка Станислав Корвяков писал письма городским властям с требованиям снять плакаты с буквой *Z*, называя ее «путинской свастикой», а в итоге стал фигурантом уголовного дела о «дискредитации» армии.

Впрочем, российские власти, которые сами замалчивают любую информацию о войне и называют полномасштабное вторжение в соседнюю страну «специальной операцией», не терпят вообще никаких проявлений сочувствия украинскому народу — поводом для преследования теперь могут стать эмодзи украинского флага, «классы» под антивоенными постами в «Одноклассниках»,

публикация видео с жалобами мобилизованных или даже критика войны в тюрьме.

За слова иногда могут наказывать жестче, чем за уличные пикеты. Особенно тех, кто не просто призывает к миру, но и рассказывает об убийствах украинцев, обстрелах жилых домов, мародерстве, изнасилованиях и других преступлениях российских солдат в Украине.

Первые уголовные дела о распространении «фейков»-[3] про армию появились уже в марте — их возбудили против двух жителей Томской области и блогерки Вероники Белоцерковской (за ее посты в инстаграме).

Илья Яшин в суде. Фото: Dmitry Serebryakov / AP

Широко известны стали дела против политиков, журналистов, активистов или блогеров с большим числом подписчиков. Например, в конце прошлого года политик Илья Яшин получил 8,5 лет за стрим про убийства мирных жителей в Буче, а в апреле 2022-го на 7 лет колонии осудили московского мундепа Алексея Горинова — за то, что на заседании совета депутатов он высказался против проведения конкурса детских рисунков во время войны, назвав его «пиром во время чумы».

Многие публичные люди, ставшие фигурантами таких дел, уже не живут в России — но их все

равно судят. Например, ту же Белоцерковскую заочно заочно осудили на 9 лет.

Но преследовать могут, например, и за не самые заметные посты, в которых российских военных называют «орками» и оккупантами, или рассказывают о больших потерях российской армии. Красноярца, к примеру, обвинили сразу по четырем статьям.

За пост «Смерть российским оккупантам! Мир Украине и всему миру!» — в призывах к экстремизму[4].

За фразу «Смерть старому фашисту вовке путину» — в призывах к терроризму[5]. За сравнение политики Гитлера и Сталина — в реабилитации нацизма-[6]. За посты о российском обстреле драмтеатра в Мариуполе и убийствах мирных жителей — в распространении «фейков» про армию[7].

По статистике Генпрокуратуры, за весь год обвиняемыми по этой статье уже стали 149 человек[8].

Многие решились на радикальные акции — их часто обвиняют в терроризме

После вторжения в Украину противники войны начали поджигать военкоматы, отделения полиции или административные здания в городах России. Часто подобные акции связаны и с символами российского вторжения: уничтожают баннеры с буквами *Z*, повреждают машины с такими

наклейками — жгут их, разбивают стекла или прокалывают шины.

Первые известные поджоги произошли через несколько дней после начала войны: 27 февраля несколько подростков закидали коктейлями Молотова отделение полиции, а на следующий день 21-летний Кирилл Бутылин поджег военкомат в подмосковных Луховицах, пытаясь уничтожить архив с личными делами призывников.

Обычно поджигатели не берут на себя ответственность, но тот же Бутылин записал видео с объяснением своих мотивов («Пусть эти пидарасы знают, что собственный народ их ненавидит и будет их гасить. У них скоро земля начнет гореть под ногами, ад ждет и дома»). А еще один поджигатель — Михаил Филатов, бросивший бутылки с горючей жидкостью в здание военкомата в Урюпинске, — на своей странице во «ВКонтакте» опубликовал пост с горящим коктейлем Молотова и подписью «Каждый протестует так, как считает правильным».

«Медиазона» ведет подсчет таких акций: к концу прошлого года было известно о 77 атаках на комиссариаты, призывные пункты и отделения полиции. Чаще всего здания пытаются поджечь, но обычно такие нападения не наносят сильного ущерба.

Большая часть акций происходила в центральных регионах страны, но, например, во Владивостоке военкоматы и отделение полиции пытались поджечь уже четыре раза, два из них — вскоре после начала мобилизации, когда по стране прокатилась новая волна атак.

Поначалу поджигателей обычно обвиняли в умышленном уничтожении имущества или хулиганстве[9], но вскоре обвинения стали гораздо жесчте — теперь их часто обвиняют в терроризме.[10]

Некоторые из арестованных по таким делам рассказывали о пытках. Так, Игоря Паскаря, бросившего коктейль Молотова в здание ФСБ в Краснодаре, силовики пытали током, угрожали убийством и пытались изнасиловать. Учитель из красноярского Канска, арестованный за выстрел в баннер с призывом подписывать контракт, рассказал, что его под пытками заставляли взять на себя вину и за поджог военкомата. «Мне делали "ласточку", заламывали руки, я не сознавался. Затем в кабинет принесли устройство для пытки током, армейский телефон, из которого тянулось два провода. Сначала ток пустили по верху ягодиц, на обе ягодичные мышцы, продолжали требовать, чтоб я признался, что поджег военкомат, я кричал от боли, и когда кричал сильно, меня били по лицу и говорили "заткнись"», — описывал он пытки.

Силовики активно борются и с теми, кто пытается повредить железные дороги и помешать таким образом военным поставкам на фронт — по подсчетам «Медиазоны», с лета силовики задержали как

минимум 37 человек, которых обвинили в поджогах релейных шкафов на железных дорогах или других акциях саботажа. Сообщения о подобных акциях и уголовных делах о диверсиях особенно часто стали появляться с января 2023-го — как правило, силовики утверждают, что задания поджигатели получают из Украины и делают это для «подрыва экономической безопасности и обороноспособности» России.

25-летний Руслан Зинин из Иркутской области не стал поджигать военкомат в родном Усть-Илимске — после объявления о мобилизации он пришел туда с ружьем. Зинин несколько раз выстрелил в военкома, выкрикнув призывникам: «Сейчас все поедем домой!». В письме из СИЗО он объяснял, что пошел на этот отчаянный шаг из-за повестки, пришедшей его младшему брату. Зинин писал, что его «мучают кошмары» из-за гибели на войне школьного приятеля.

«Представив на миг, что мне когда-либо, не дай Бог, придется увидеть таким своего родного человека, я понял, что не смогу жить дальше, зная, что ничего не предпринял, чтобы этого не допустить и готов был с голыми руками броситься под танк за любого из своих братьев, — писал он. — У меня их трое. Только чтобы не видеть горе и слезы родных».

Редактор: Егор Сковорода

1. В Уголовный кодекс ввели новую статью 207.3, которая предполагает до 15 лет заключения за «публичное распространение заведомо ложной информации» об армии, а в КоАП — статью 20.3.3 за «дискредитацию» ВС России. По ней для рядовых граждан предусмотрен штраф до 100

тысяч рублей. За повторное нарушение в течение года могут возбудить уже уголовное дело по новой статье 280.3 УК.

2. Поначалу суд не стал штрафовать девушку, приняв ее объяснение, что на самом деле она «имела в виду "нет вобле", поскольку испытывает неприязнь к данному виду рыб», однако это решение силовики оспорили.

3. Статья 207.3 УК

4. Часть 2 статьи 280 УК.

5. Часть 2 статьи 205.2 УК.

6. Часть 2 статьи 354.1 УК.

7. Часть 1 статьи 207.3 УК.

8. СК называет другое число — 136 человек.

9. Статьи 167 и 213 УК.

10. Статья 205 УК.